

Д.Н. ТКАЧ*

**ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ
ПРОЦЕССОВ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.
В МОНУМЕНТАЛЬНОЙ СКУЛЬПТУРЕ В ПАМЯТЬ
О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ**

Аннотация. Первая мировая война повлекла за собой волну формирования национальных государств и придала новый импульс процессу демократизации. Эти социальные и политические трансформации прослеживаются в мемориальной скульптуре послевоенного периода, отражающей память человечества о первой четверти XX в. Постепенный отход от традиций имперскости и использование символов национальных государств в художественном наполнении памятников передают интенсификацию нацистроительства, а обращение к тематике подвига простого человека и отсылка к героике мира отображают очередной всплеск демократизации. В статье подчеркнута значимость функции мемориальных комплексов как объектов воспроизведения коллективной памяти.

Ключевые слова: Первая мировая война; нацистроительство; демократизация; военные мемориалы; коллективная память.

Для цитирования: Ткач Д.Н. Отражение политических и социальных процессов первой четверти XX в. в монументальной скульптуре в память о Первой мировой войне // Политическая наука. – М., 2018. – № 3. – С. 315–329. – DOI: 10.31249/poln/2018.03.13

* **Ткач Дмитрий Николаевич**, студент магистратуры Московского государственного института международных отношений МИД России (Москва, Россия), e-mail: mitya_tkach@mail.ru

Tkach D., Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russia), e-mail: mitya_tkach@mail.ru

© Ткач Д.Н.

DOI: 10.31249/poln/2018.03.13

D.N. Tkach
Reflections of political and social processes
of the first quarter of the 20 th century in First World War memorials

Abstract. The First World War created a wave of nation-state building and gave a new impulse to the democratization process. The article shows how such social and political transformations have been reflected in the memorials of the post-war period, representing people's recollections of the events of the era. From the artistic perspective, gradual diversion from the imperial tradition and more national symbols in the design of the monuments demonstrate the intensification of nation-state building, while reference to the heroism of common people and to the attributes of peace represent yet another wave of democratization. The article stresses the importance of memorials in visualizing collective memory.

Keywords: the First World War; nation-building; democratization; war memorials; collective memory.

For citation: Tkach D.N. Reflections of political and social processes of the first quarter of the 20th century in First World War memorials // Political science (RU). – M., 2018. – N 3. – P. 315–329. – DOI: 10.31249/poln/2018.03.13

Первая мировая война стала огромным потрясением для всего мира. Она повлияла на ход политических, социальных, экономических процессов, в значительной степени изменив их вектор и преобразовав содержательное наполнение. Эта война ознаменовала переход к новой фазе развития человечества, создав новую повестку дня для всего мирового сообщества. Двумя ключевыми пунктами этой повестки стали национализм и демократизация.

Идею о том, что серьезные потрясения являются катализаторами изменений политической картины мира, мы находим у американского политолога Филипа Рёдера, который выделяет четыре волны («взрыва») нациестроительства: после Венского конгресса 1815 г., в первой четверти XX в., после Второй мировой войны и после окончания холодной войны [Roeder, 2007, p. 6]. В контексте данного исследования нас интересует именно второй «взрыв», датируемый первой четвертью XX в. и в еще большей степени привязанный к Первой мировой войне в исследовании испанского ученого Жозепа Коломера. В его видении, весьма приближенном к представлениям Рёдера, вторая волна создания наций-государств пришлась на период между двумя мировыми войнами. Связан этот всплеск был в первую очередь с крахом трех империй – Австро-Венгерской, Османской и Российской, после чего к 1920 г. в Европе

образовались 10 новых независимых государств. Таким переменам также способствовало привнесенное в политический дискурс американским президентом Вудро Вильсоном понятие «принцип национальностей», которое заключалось в формировании этнически однородных государственных образований [Colomer, 2007, p. 10–11].

Понять значение послевоенного «перелома» можно через память о происходивших событиях, которая остается у современного человека. Иногда кажется, что память – это общеизвестное и всем понятное явление, которое не требует объяснений, но это далеко не так. Память может быть категорией исторической, духовной, нравственной и в то же время включать материальные объекты – культурное наследие. Она определяет человека, его принадлежность к конкретной точке развития человечества, связывает его самого с прошлым и отправляет его опыт в будущее; через память общаются поколения.

Французский философ и социолог Морис Хальбвакс обращает внимание на то, что фиксация является инструментом превращения живой памяти в историю [Хальбвакс, 2005]. Он пишет прежде всего о письменной фиксации, о литературных источниках, однако нам видится, что подобная фиксация может быть представлена и другими формами, например мемориальной скульптурой. Такие коммеморации современный французский историк Пьер Нора относит к числу мест памяти (*lieux de mémoire*) [Нора, 1999, с. 20].

Вместе с тем мемориальные комплексы Первой мировой войны запечатлели не только военную историю – многие из них отразили и новые унастроения послевоенного времени. На основе анализа ряда таких комплексов мы предпримем попытку показать, как произошедшие общественно-политические сдвиги придали новое измерение памяти об этой войне.

Все исторические понятия характеризуются пространственно-временными категориями. Мемориальная скульптура как жанр изобразительного искусства – это способ запечатления образов и воспроизведения окружающей среды, поэтому аспекты пространства и времени крайне важны при рассмотрении памятников Первой мировой войны.

Касаемо пространства необходимо выделить несколько моментов. Во-первых, война 1914–1918 гг. – это война мировая. О вовлеченности всего международного сообщества в военные действия свидетельствует расположение мемориальных комплек-

сов не только в Европе, но и в Америке и Азии. Так, в Нью-Дели была воздвигнута триумфальная арка – мемориал солдатам, павшим в сражениях с 1914 по 1921 г., позже получивший название «Ворота Индии» (начало строительства – 1921 г. [His Royal Highness... 1921, p. 67–71], открытие – 1931 г. [Metcalfe, 2014]). В Северной Америке – Национальный военный мемориал Канады (1939) [National War Memorial, 2017] и Могила Неизвестного Солдата на Арлингтонском кладбище в США, где в 1921 г. захоронили погибшего в сражениях Первой мировой солдата [Mossman, Stark, 1991, p. 3–18]. Даже в Таиланде существует мемориал добровольцам – участникам Первой мировой войны (1921) [Whyte, Whyte, 2008, p. 176].

Во-вторых, многие памятники воздвигались на местах сражений. Например, Мененские ворота в городе Ипре (1923–1927) [Ypres (Menin Gate) Memorial, 2018] или Тьепвальский мемориал без вести пропавшим в битве на Сомме (даты строительства: 1928–1932 гг.) [Thiepval Memorial, 2018]. Стоит отметить, что в современных условиях такие коммеморации используются в политических целях для формирования общей европейской идентичности [Пахалюк, 2017]. Символическая политика осуществляется для достижения задач по реализации конкретной социально-политической установки. Тьепвальский мемориал, например, был изначально возведен как символ англо-французского вклада в единое дело Победы. В июле 2016 г. по случаю 100-летней годовщины битвы на Сомме на торжественной церемонии присутствовали представители английских и французских политических кругов президент Франсуа Олланд, премьер-министр Дэвид Кэмерон, принц Уэльский Чарльз с супругой, герцог и герцогиня Кембриджские, принц Уэльский Гарри [Battle of the Somme, 2016]. Событие широко освещалось в прессе.

В-третьих, часто памятники ставили не только в крупных, но и в маленьких городах. Во многих небольших городках на монументах увековечивали имена павших смертью земляков. Особенно это было распространено во Франции, Бельгии и Англии. Более того, часто возникала проблема выбора места для будущего памятника. Одним лучшим местом для мемориала виделась удаленная от городской суеты поляна, другим казалось, что памятник в центре города будет лучше привлекать внимание жителей и побуждать их задумываться об отважных защитниках. Чаше, конечно, выбирали

второй вариант. Эта проблема созвучна с описанным в работах П. Нора противостоянием между доминирующими и доминируемыми местами памяти: первые – это места, куда приходят против воли и где мысль об увековеченных событиях навязывается, вторые – более сокровенные места, убежища для уединения и личных переживаний [Проблематика мест... 1999, с. 46].

Таким образом, в географическом плане наблюдаются две тенденции: первая – объединяющая (Первая мировая война – единое несчастье единого мира) вторая – конкретизирующая (Первая мировая война – героическая победа, в которую внес свою лепту каждый). Именно второй тренд позволяет говорить о национальном строительстве, так как в описанных примерах объективно прослеживается индивидуализация, а в более широком смысле – национализация памяти.

В категориях времени памятники Первой мировой войны становятся соединяющим звеном между прошлым и будущим. Даты на мемориальных плитах указывают на связь с конкретным моментом, однако художественные черты могут отсылать в далекое прошлое. В скульптуре и архитектуре первой половины XX в. еще очень сильно влияние классицизма: наблюдается применение таких традиционных античных форм, как обелиск, полукруглая арка. Например, памятник героям Второй Отечественной войны в Вязьме, открытый в 1916 г., представлял собой обелиск, увенчанный крестом [Комаров, 2016], а памятник Неизвестному герою в Белграде (1934–1938) воспроизводит формы гробницы-зиккурата Кира в Пасаргадах [Spomenik Neznanom Junaku, б. г.]. Параллельно с обращением к древней истории люди пытались донести до своих потомков мысль о великом подвиге, что говорит и о связи с будущим. По сути, общество стало думать о вечности в системе координат «прошлое – будущее». Одним из внешних выражений этого восприятия стал Вечный огонь. Впервые в Европе он появился на Могиле Неизвестного Солдата в Париже в 1920 г., а позже был создан в Варшаве [Юдкина, 2015]. Такое понимание еще раз подтверждает формирование коллективной памяти, для которой необходима «интенция памяти», т.е. желание сохранить определенные ценности в будущем [Нора, 1999, с. 40].

Первая мировая война стала одновременно причиной распада империй и катализатором образования национальных государств. Монументальное искусство достаточно подробно повествует об

этих процессах. Черты имперскости явственно проступают в немецких мемориалах. После войны памятники героям-воинам почти не возводились на территории Германии, так как в международном сообществе она считалась побежденной стороной, однако места массовых захоронений активно облагораживались. Самым ярким примером воспроизведения имперского духа является Танненбергский мемориал. Он был создан в 1924–1927 гг. [Walter, Wichmann, 2015] на территории Германии (Восточная Пруссия), но сейчас расположен в Польше. Во-первых, акцент при строительстве мемориала был сделан не на героическом подвиге простого народа, а на победе Германии в сражениях 1914 г. (битва при Танненберге, Мазурское сражение). Во-вторых, сама композиционная структура мемориала передавала предначертанное величие германской нации. Предполагалось, что памятник будет напоминать по своей архитектуре неолитический Стоунхендж и традиционный средневековый восьмигранник Капель-дель-Монте. Это объясняется определенным отставанием Германии послевоенного периода от общеевропейского тренда. Аграрно-промышленный тип немецкой экономики не позволял стране быстро перейти к проекту национального государства. Попытки форсированной модернизации, по сути, привели к раздутой, гипертрофированной форме национализма, а впоследствии и ко Второй мировой войне.

Германия вообще отличается своеобразными особенностями сохранения памяти Первой мировой войны, которые выражаются в переплетении имперских и националистических черт. Так, первоначально в Танненбергском мемориале была создана Могила Неизвестного Солдата, но в 1934 г. (в годы нового подъема экспансионизма) она была разрушена, а в мемориале был захоронен Пауль фон Гинденбург (1847–1934), выдающийся немецкий военный и политический деятель. В памятнике-фонтане 1930 г. в Шпайере тоже наблюдается слияние имперских и национальных представлений [Smither, 2013]. Например, одни надписи на фонтане несут мысли о товариществе и взаимной поддержке («Был у меня товарищ, лучше которого не сыскать» или «Женщины Германии, германская солидарность»), другие – об имперском величии нации («Германия должна жить, даже если мы умрем»). Более того, скульптура св. Георгия и дракона в контрасте золотого и черного может показаться символом германского могущества. В то же вре-

мя в Вормсе в 1932 г. в память о павших была поставлена мемориальная статуя, изображающая простых немецких солдат.

Конечно, влияние имперского мировосприятия можно наблюдать во многих западных памятниках Первой мировой войны, которые часто возвышенны и величественны. Но в монументальном искусстве Германии имперскость проявляется самым явным образом.

Рост национального чувства прослеживается и на примере башни на Изере (1930), посвященной фламандскому движению в Бельгии [Yzer Tower, б. г.]. Памятник стал изображением обострившегося в годы войны фламандско-валлонского напряжения, фламандского национализма. Более того, в скульптуре памятников первой половины XX в. стали появляться символы национальных государств, например, петух во Франции или национальное знамя в руках Матери Болгарии. В сознании человека того времени произошли перемены: для него очень много стала значить национальная принадлежность.

Среди типичных черт памятников Первой мировой войны можно назвать и религиозный элемент. Композиция многих западных памятников включает кресты, а некоторые из них даже выполнены в крестообразной форме. В Польше и России даже ставили церкви в память о войне. Например, один из проектов мемориала в Варшаве представлял собой часовню. Очевидно, что, как и кладбища, эти памятники становились частью поминального ритуала, однако в самом их воздвижении прослеживается связь государства, народа и веры.

Говоря о демократизации общества в годы Первой мировой войны и отражении этого процесса в мемориальных композициях, следует особо обратить внимание на понимание значимости роли народа в событиях войны. Во многих мемориалах на первый план выходят именно народные массы – не полководцы и предводители, а так называемый маленький человек. Его подвиг вершит историю. Основные элементы памятников – это фигуры рядовых солдат, часто застывших в движении, а не статичные изображения конкретных личностей. В сознании человека первой половины XX в. начинает преобладать поклонение подвигу человека, а не «царя».

Эту мысль подтверждают и пропитанные демократическим сентиментом лозунги о роли женщин и братстве на памятнике в Шпайере. Идея «освобожденной личности» передана и в новом

образе Родины-матери. Женская фигура играет роль всеобъединяющего начала – дети единой Матери приходятся братьями друг другу. Яркий пример – монументальная скульптура Мать Болгария (1935). Безусловно, здесь присутствует и идеологический фактор. Моральная установка на защиту женщины, ее прав прекрасно сочеталась в понимании людей с образом Родины.

Более прагматичная проблема – содержание массовых захоронений – также вылилась в создание нового образа народного подвига – Могилы Неизвестного Солдата. Никто не должен быть забыт, каждый погибший – герой. Даже если его имя утеряно, память о нем живет в сердцах спасенного человечества. О значимости каждого свидетельствуют и мемориальные плиты с именами павших солдат (Мененские ворота, Бельгия). Стоит отметить, что личная трагедия людей также находила воплощение в монументальном искусстве. Инициаторами возведения некоторых мемориальных комплексов становились непосредственные участники военных действий, в церемониях открытия особое место отводилось родственникам погибших. Многие памятники воздвигались на средства, собранные в виде пожертвований граждан, пытавшихся внести свой вклад в увековечивание памяти близких и соотечественников.

Даже внешне памятники, с одной стороны, были монументальными, но с другой – отличались простотой и приземленностью запечатленных образов. Несомненно, памятники Второй мировой войны стали в художественном плане разнообразнее и реалистичнее, они полны бытовых сцен и близких народу сюжетных линий. В памятниках Первой мировой эта тенденция представлена еще не так широко, что позволяет говорить о сочетании имперского мировоззрения, государственного консерватизма и демократических тенденций.

Еще одной важной чертой послевоенных памятников является отсылка к миру. Война закончилась миром. Тогда она еще не называлась Первой мировой и считалась «войной всех войн». Человечеству хотелось верить в то, что эти жуткие страницы останутся в летописи истории последним темным пятном. Воззвание к миру и пониманию стало надеждой, которая ярким светом забрехала в душах людей. Это стремление также нашло воплощение в мемориальной скульптуре. Героика оружия уступила место героике мира. Так, Мать Болгария держит в руках оливковую ветвь – древ-

ний символ мира, а дружба народов послужила мотивом создания памятника Неизвестному Герою в Белграде, посвященного всем погибшим в войне югославам.

В России ситуация с памятью о подвигах Первой мировой войны оказалась своеобразной. Эффектнее всего процессы, связанные с коллективной памятью, иллюстрирует судьба Братского кладбища, заложенного в Москве в 1915 г. великой княгиней Елизаветой Федоровной. Кладбище было расположено в районе сегоднешней станции метро «Сокол», именно там хоронили многих павших в сражениях Первой мировой. Там также была расположена небольшая часовня, а позже было инициировано строительство храма. В начале 1930-х кладбище было заасфальтировано, на протяжении всего советского периода на его месте располагался парк. Сохранилась лишь могила погибшего в 1916 г. студента С.А. Шлихтера, и то благодаря усилиям его отца. Внимание на некогда сформировавшийся здесь естественным образом мемориальный комплекс власти обратили лишь перед 2004 г. в связи с 90-летием начала Первой мировой войны, при этом особое участие в сохранении некогда утраченного наследия приняла Русская православная церковь. Сейчас на месте Братского кладбища расположены несколько памятников, увековечивающих подвиг российского народа [«Оболганная война»... 2017].

Данные обстоятельства заставляют задуматься о последствиях подобного пренебрежения собственной историей для современной России. М. Хальбвакс пишет, что любая война или революция приводит к разрыву между общественными укладами до и после этих масштабных событий. При этом молодое поколение, обращаясь к довоенному прошлому, всегда стремится поддержать традицию, что позволяет сохранить преемственность и обеспечить континуитет национального развития [Хальбвакс, 2005]. В СССР же идеологический запрет новой политической элиты на обращение к традиции, выразившийся, например, в гонении на православие или в дискредитации царской России как государства, привел к разрыву в естественном формировании коллективной памяти. Идеологическая установка на то, что в прогрессивном государстве нет места ни индивидуализации, ни царизму, не позволила людям сохранить память о своих соотечественниках, память о себе самих. В значительной степени именно в этом сбое в непрерывном процессе создания коллективной, исторической памяти заключены истоки про-

блем, связанных с формированием общего восприятия советской эпохи, в частности Великой русской революции как ее отправной точки, в контексте единой национальной истории.

Стоит отметить еще одну важную деталь. Одно из главных устремлений человечества после Первой мировой войны – это создание наследия живой памяти. Трактовать это понятие можно по-разному. Прежде всего живая память – вечная, та, которую нельзя разрушить, переделать или вычеркнуть из истории. П. Нора называет это явление ритуальным повторением событий, которое поддерживает сакральность истории и «оживляет» ее [Нора, 1999, с. 25]. Источники живой памяти включают в себе и отдельные элементы памятников Первой мировой войны. Например, у Менинских ворот в Ипре каждый день начиная с 1927 г. ровно в 20:00 трубач из местной пожарной части исполняет сигнал отбоя. Подобные традиции, равно как и Вечный огонь и почетный караул на могилах Неизвестного Солдата, поддерживают связь современного человека с событиями, участниками которых были его предки.

Можно сделать вывод о том, что Первая мировая война качественно изменила сознание человека. Всплеск патриотизма, выраженный в более сильном ощущении принадлежности к определенной нации, и постепенное отдаление имперского восприятия привели к интенсификации процессов нацистроительства, а переосмысление значимости собственной роли человека в мировом сообществе, стремление к возрождению мира и международного взаимопонимания дали новый импульс тенденции к демократизации. Таким образом, мы видим, как сливаются социальные, духовные и политические процессы. Потрясения Первой мировой войны закрепили эти трансформации в сознании, в ментальности человека послевоенного периода, выразившись во многих мемориальных объектах.

Список литературы

- Комаров Д.Е. Первый монумент героям Первой мировой... // Военно-исторический журнал. – М.: Издание Министерства обороны РФ, 2016. – № 6. – С. 56–57. – Режим доступа: <http://history.milportal.ru/2016/07/pervyj-monument-geroiam-pervoj-mirovoj/> (Дата посещения: 24.02.2018.)
- «Оболганная война»: России нужен музей героев Первой мировой // РИА «Новости». – 2017. – 7 апреля. – Режим доступа: <https://ria.ru/religion/20170407/1491788223.html> (Дата посещения: 24.02.2018.)

- Пахалюк К. Память о Первой мировой и «мягкая сила» современной России // РСМД. – 2017. – 28 июля. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pamyat-o-pervoy-mirovoy-i-myagkaya-sila-sovremennoy-rossii/?sphrases_id=1950619 (Дата посещения: 24.02.2018.)
- Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пьюмеж, М. Винок. – СПб.: Изд-во С.-Петербурга, 1999. – С. 17–50.
- Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. – М., 2005. – № 2/3. – С. 8–27.
- Юдкина А.Б. «Памятник без памяти»: Первый Вечный огонь в СССР // Неприкосновенный запас. – М., 2015. – № 101. – Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/6371> (Дата посещения: 24.02.2018.)
- Battle of the Somme: Royals at Somme centenary commemoration // BBC News. – 2016. – July 1. – Mode of access: <http://www.bbc.com/news/uk-36674451> (Accessed: 24.02.2018.)
- Colomer J.M. Great empires, Small nations: The uncertain future of the sovereign State. – L.; N.Y.: Routledge, 2007. – 128 p. – Mode of access: <http://bookre.org/reader?file=1053121&pg=1> (Accessed: 24.02.2018.)
- His Royal Highness The Duke of Connaught in India 1921 / Superintendent Government Printing. – Calcutta, 1921. – 100 p.
- Metcalf Th.R. Dulce Et Decorum Est. India Gate, our WW-I cenotaph, now stands for an abstracted ideal // Outlook India. – New Delhi, 2014. – March 31. – Mode of access: <https://www.outlookindia.com/magazine/story/dulce-et-decorum-est/289882> (Accessed: 24.02.2018.)
- Mossman B.C., Stark M.W. The last salute: Civil and military funerals / Department of the Army. – Washington, D.C., 1991. – 383 p.
- National War Memorial / Veterans Affairs Canada. Government of Canada. – 2017. – Mode of access: <http://www.veterans.gc.ca/eng/remembrance/memorials/canada/national> (Accessed: 24.02.2018.)
- Roeder Ph.G. Where nation-states come from: Institutional change in the age of nationalism. – Princeton: Princeton univ. press, 2007. – 417 p.
- Smither R. Apologising for a war memorial? // War memorials archive blog. – 2013. – July 18. – Mode of access: <https://ukniwm.wordpress.com/2013/07/18/apologising-for-a-war-memorial/> (Accessed: 24.02.2018.)
- Spomenik Neznanom Junaku na Avali (Памятник Неизвестному Герою на Авале, с сербск.) // Cultural monuments in Serbia. National center for digitization. – Mode of access: <http://spomenickikulture.mi.sanu.ac.rs/spomenik.php?id=620> (Accessed: 24.02.2018.)
- Thiepval Memorial. History / Commonwealth War Graves Commission. – 2018. – Mode of access: <https://www.cwgc.org/find/find-cemeteries-and-memorials/80800/thiepval-memorial> (Accessed: 24.02.2018.)
- Walter L., Wichmann M. Tannenberg Denkmal (Танненбергский памятник, с нем.) // Deutsches Historisches Museum. – Berlin, 2015. – Mai 2. – Mode of access: <https://www.dhm.de/lemo/kapitel/weimarer-republik/innenpolitik/denkmal/> (Accessed: 24.02.2018.)

- Whyte Br., Whyte Sh.* The inscriptions on the First World War volunteers memorial, Bangkok // Journal of the Siam society. – Bangkok, 2008. – Vol. 96. – P. 175–192. – Mode of access: http://www.siamese-heritage.org/jsspdf/2001/JSS_096_of_Whyte_InscriptionOnWW1VolunteersMemorialBangkok.pdf (Accessed: 24.02.2018.)
- Ypres (Menin Gate) Memorial. History / Commonwealth War Graves Commission. – 2018. – Mode of access: <https://www.cwgc.org/find/find-cemeteries-and-memorials/91800/ypres-memorial> (Accessed: 24.02.2018.)
- Yzer Tower // Chemins de memoir. – Mode of access: <http://www.cheminsdememoire.gouv.fr/en/yser-tower> (Accessed: 24.02.2018.)